

Знакомая тьма снова захлестнула Цзян Фэя: Фу Сяо увлёк его в своё личное пространственное укрытие.

Тьма служила здесь естественным фоном. Потеря зрения всегда сеет тревогу, поэтому Цзян Фэй развернулся и обнял невидимую аномалию.

— Преподобный... — тихо позвал он.

В ответ распахнулись огромные крылья. Мягкое оперение сомкнулось вокруг Цзян Фэя, сковывая и защищая одновременно.

Его «невеста» ничуть не стеснялась.

Шевелящиеся щупальца скользнули по телу, оставляя мучительное, смешанное с зудом чувство боли. Даже не видя ничего, Цзян Фэй догадывался, сколько изысканных отметин останется на его коже.

Фу Сяо и в прошлый раз проявлял подобные замашки, но тогда Цзян Фэй сумел его утихомирить. Сейчас же, когда эмоции древней сущности были нестабильны, Цзян Фэй не хотел заставлять его тратить силы на самоконтроль. В конце концов, это ведь тоже удовольствие, стоит лишь сменить угол зрения.

В душе Цзян Фэя жил дух разбойника: раз уж Преподобный ему по сердцу, то и против чужого притязания он ничего не имел.

Он расслабил тело, прижался к ледяной аномалии и прошептал прямо в ухо:

— Что ж... прошу мою невесту не сдерживаться и ласкать меня как следует.

Провокация обернулась бурной вспышкой.

Щупальца дарили совсем иные ощущения, чем гладкий драконий хвост. В порыве исступлённого наслаждения чувства, лишённые зрения, обострились до предела. Цзян Фэй вслепую нащупал его алые, горящие во тьме глаза, но в ответ получил лишь ещё более яростный напор.

Он ничего не видел, зато Фу Сяо видел всё.

Взгляд юноши туманился, внутри бурлила первозданная сила Созидания, однако он безропотно позволял аномалии творить всё, что той вздумается.

Морозный холод окутывал его с ног до головы, но от неистовых движений кожа покрылась испариной — живым телом, согревающим каждый дюйм, к которому прикасалась сущность.

Белоснежная кожа, серебряные волосы, россыпь алеющих следов... Цзян Фэй сейчас выглядел прекраснее, чем на любом из снимков памяти, сохранённых Фу Сяо за долгие века.

Аномалии нравилось это: заставлять его погружаться в пучину страсти, лишать разума, дарить высшее блаженство. Это наслаждение опьяняло сильнее, чем прямое поглощение плоти и крови.

На миг Фу Сяо захотелось навечно запереть юношу в этом пространстве — слепым, неподвижным, лишённым мыслей, обречённым вечно принимать его ласки.

«А ведь это возможно, — мелькнула тёмная мысль. — Он ведь нечистый исток Созидания, он не умрёт от пленения у аномалии».

И всё же он не смог.

По всем законам, в духе аномалий давно не оставалось места жалости или сочувствию; геном толкал их исключительно к разрушению. Но среди тьмы перерождения в нём выкристаллизовалось единственное нерушимое правило: Цзян Фэй должен жить. Жить долго и счастливо.

Потому что это был Цзян Фэй — его единственная одержимость, пронесённая сквозь тысячелетие.

Затмевая разум, инстинкты сражались с духовной сутью. Фу Сяо повиновался и бунтовал одновременно, пока борьба не вылилась в очередную волну неистовства, обрушившуюся на того, кто находился под ним.

Щупальце прикоснулось к губам юноши, нагло проверяя границы дозволенного, после чего безнаказанно завладело им целиком, заглушая тихие, сбивчивые стоны.

Аномалии вообще не ведают умеренности. С тех пор как на горе Лаошань хищник вырвался на волю, Цзян Фэй замечал, что Фу Сяо становится всё более дерзким и порывистым.

Впрочем, дойдя до этой грани, Цзян Фэй уже не думал о последствиях. Он слегка прикусил то, что находилось у него во рту, а затем позволил ему отступить.

Юноша выглядел словно сломанная кукла. Он обнял аномалию и, прильнув к мочке её уха, тихо зашептал:

— Преподобный...

Ему нравилось это обращение. Из уст Линьхуа оно звучало как дань глубокого уважения, но в речи Цзян Фэя в нём всегда сквозила некая невысказанная, томящая страсть.

Фу Сяо ответил на поцелуй — насколько нежными были его губы, настолько же беспощадными оставались движения.

— Мало... — прошептал Цзян Фэй. — Преподобный, мне мало.

Даже древнее существо не ожидало таких слов. Фу Сяо на мгновение замер и опустил взгляд, проверяя: юноша действительно принял его в себя до предела.

Цзян Фэй поймал его взгляд и прильнул к нему влажным, трепетным поцелуем:

— Я хочу ещё более глубокого слияния с тобой, Преподобный.

Их резонанс составлял сто процентов, но до сих пор у них не было настоящего генетического контакта. Фу Сяо неизменно отвергал эту возможность. А теперь истерзанный им юноша прикрыл глаза и тихо, умоляюще шептал, что ему мало.

Ещё немного — и он зайдёт слишком далеко.

Фу Сяо привлёк его к себе и вонзил зубы в плечо. Алая струйка стекала по коже.

Боль, переплетённая с наслаждением, породила новое, неизведанное чувство. Юноша дрожал в его объятиях, но в глубине его пьяного взгляда затаилась нескрываемая досада.

— Преподобный... — шептал он, не умолкая, и в этом тихом шёпоте звенящая любовь переполняла каждое слово.

Длинные пальцы аномалии мягко коснулись его копчика. Цзян Фэю стало щекотно, он попытался отстраниться, но его тут же крепко сжали.

От неожиданности Цзян Фэй замер: на его копчике пробился маленький пушистый кроличий хвостик. Чувствительный хвост в руках аномалии мгновенно отозвался пронзительным разрядом по всему телу — ощущение, совершенно незнакомое человеку.

Однако Цзян Фэя это не смутило. Он добился своего: генетический код Фу Сяо наконец проник в его тело.

— Преподобный, — Цзян Фэй вновь обнял его и подарил глубокий поцелуй. — Теперь ты окончательно принадлежишь мне.

При резонансе всегда остаются осколки генома. Он всё же сумел зацепить тот маленький «хвостик», который Фу Сяо так упорно прятал. Юноша лукаво улыбнулся, и от прежней беспомощности не осталось и следа.

Фу Сяо понял, что его провели, но сделать ничего уже не мог.

"У меня и впрямь нет против тебя никаких особых средств".

Почему показатель аномальной трансформации так резко метался из одной крайности в другую, Фу Сяо и сам не мог объяснить.

— Ничего страшного, — улыбнулся Цзян Фэй. — Я сам соберу картину из этих осколков.

Коли уж он явился в этот мир, чтобы даровать Фу Сяо Созидание, значит, и путь к спасению непременно найдётся.

Когда очередная волна наслаждения накрыла его до головокружения, перед взором Цзян Фэя наконец возник фрагмент будущего из памяти Фу Сяо.

Вот, оказывается, какова их судьба.

В тот же миг подспела способность Сигуана «Промежуток будущего». В тусклом пространстве Цзян Фэй увидел их новое будущее: исполинское древо Фусан уходило вершиной в самые облака. Сцена точь-в-точь повторяла воспоминания Фу Сяо, с той лишь разницей, что волосы Цзян Фэя стали совершенно серебряными.

Будущее постоянно менялось под влиянием настоящего. Фу Сяо боялся сделать шаг, опасаясь разрушить всё и загнать Цзян Фэя в тупик. Но именно сейчас Цзян Фэй постиг истинную суть неизбежного будущего: пока ты верен первоначальному замыслу и зову сердца, судьба сама проложит верный путь.

— Преподобный, — Цзян Фэй провёл ладонью по его лицу во тьме. — Я сделаю так, чтобы ты жил.

Учжици был аномалией в облике сине-белой обезьяны. Своими чарами его заманили на материк Цзиньчи, где он обосновался в отдалённом уголке, превратившись в нового бога для местных жителей.

По словам Линьхуа, тот, кто увёл обезьяну, воспользовался связывающим благодатным облаком — той самой регалией, которую Учжици когда-то любил больше всего.

"Его чертовски трудно одолеть", — Линьхуа почесал огненную гриву за ушами. — *"Наши силы ограничены".*

"Девять с половиной минут", — выдал конь точную цифру. — *"Я, Сигуан и Шоуе сможем продержаться по три минуты каждый".*

Линьхуа с отвращением взглянул на Ариэкса. Этот змей сидит возле источника Созидания ближе всех, а до сих пор так и не эволюционировал!

"А от Ариэкса толку — от силы полминуты".

Заикающаяся змея уловила в его голосе явное презрение и мгновенно цапнула Линьхуа беззубой пастью прямо за голову.

От головы коня оторвался ошмёток пламени. Маленькая змейка проглотила его, но огонь тут же просочился сквозь раны на его туловище и вернулся обратно к Линьхуа.

"Даже сожрать толком не можешь", — фыркнул конь, и разозлённый Ариэкс сцепился с ним вслепую.

«Девять с половиной минут... Маловато, — подумал Цзян Фэй. — Успею ли?»

«Стоит попробовать, — решил он. — Всё равно это не Средний материк. Не справимся — просто сбежим».

Никакого душевного груза он не испытывал.

Подцепив Ариэкса новым витым рогом, Линьхуа спросил:

"С чего вдруг такая спешка? У тебя появился план?"

Фу Сяо опасался, что Линьхуа станет помехой, поэтому не рассказал ему о печати. Но Цзян Фэй этот «балласт» был необходим, так что он заранее раскрыл коню замысел Фу Сяо.

Линьхуа был готов выложиться на полную, надеясь, что вмешательство воплощённого Созидания изменит предначертанное.

Цзян Фэй покачал головой, а затем кивнул:

— Ни чёткого плана, ни верного способа у меня нет. Но стать сильнее — в любом случае не помешает.

Последнее видение будущего подарило ему надежду, а значит, нужно следовать зову сердца и действовать по намеченному пути.

Линьхуа подхватил Цзян Фэя и помчался к материку Цзиньчи. По дороге враги пытались натравить на них бесчисленных аномалий, чтобы перекрыть путь, но Цзян Фэй лишь взмахнул рукой — и мгновенно переместился через пространство в самое сердце чужой обители.

Там он и увидел Учжици.

Исполинский гибон с белоснежной мордой смотрел на мир парными слепыми глазами, а от его тела веяло удушливым мертвенным холодом. Это была аномалия SS-ранга, и Гвозди Алого Ослабления Духов могли лишь слегка сдержать её мощь.

Его конечности были скручены цепями, вонзавшимися глубоко в ключевые акупунктурные точки. Именно эти путы удерживали его в состоянии многолетнего сна.

Хотя аура смерти от него исходила страшная, аномальная трансформация затронула его куда меньше, чем Данкана или Куйню. Закрой он глаза — и от прежнего благородного зверя его было бы не отличить.

Цзян Фэй вспомнил Фу Сяо: тот тоже прошёл через аномальную трансформацию выше S-ранга, но изменения коснулись лишь его внутренней сути, почти не затронув облик.

Новый главарь Церкви затаился в тени, поджидая удобного момента для смертельного удара. Цзян Фэй даже не удостоил его взглядом: рядом находился Фу Сяо, и хоть он не вмешивался напрямую, но ни за что не позволил бы Цзян Фэю подвергнуться смертельной опасности.

Юноша пригнулся к аномалии и звонко поцеловал её прямо в губы:

— Я пошёл.

[Поздравляем! Вы вошли в пространственную аномалию SS-ранга]

[Подсказка 1: Он — Владыка Воды]

[Подсказка 2: Даже когда цепи въедаются в дух, судьба подвластна искажению]

[Подсказка 3: Ложь неотличима от истины]

[Подсказка 4: Плыви против течения]

****[Цель задания: Получить духовное тело]****

Цзян Фэй закрыл глаза. Способность, полученная благодаря стопроцентному резонансу с Фу Сяо, наглухо запечатала пространство. Направляемый Судьбой, он куда быстрее мог разобрать суть полученных подсказок.

По телу Учжици пробежали голубые нити и тут же растаяли, словно их и не было.

Судьба: Переплетение...

Цзян Фэй распахнул глаза:

— Линьхуа, мне нужно десять минут.

Раздувшись в размерах, Ариэкс первым рванул к Учжици. Маленькая змейка, способная продержаться от силы полминуты, летела в бой впереди всех.

"Эй, Ариэкс, дурная твоя башка!"

"Смотри, чтобы Цици тебя не разорвал!"

Линьхуа помчался следом, извергая пламя. Но быстрее всех оказался Шоуе: золотой свет на его лбу отразил огромную лапу Учжици, тянущуюся к Ариэксу. Ночной Пёс вонзил зубы в цепи на спине гигантской обезьяны, приняв на себя первый же удар, который гарантированно убил бы змейку.

Тень Сигуана затмила взор Учжици: кролик задействовал свой главный козырь, внедряя в разум врага видения будущего. Увы, у осквернённой аномалии не было будущего, так что удалось лишь заставить её замереть на миг.

Цзян Фэй с помощью пространственного сдвига мгновенно оказался возле цепей, сковывавших гиганта.

Оглянувшись назад, он увидел Фу Сяо, безмолвно ждавшего его в отдалении, поджав кольца драконьего хвоста.

Цзян Фэй одними губами произнёс:

«Жди меня».